

У входа в XX университет.

Строгая богатая дама протянула Шэнь Цзянаню карточку и холодно произнесла:

— Здесь твои деньги на учебу за все четыре года в университете, больше не смей просить у меня денег.

Затем она развернулась, взяла под руку одетого с иголки мужчину средних лет с золотыми перстнями на всех пальцах и ушла. Стоявший неподалеку Шэнь Цунвэнь презрительно сплюнул им вслед, с яростью вдарил окурком о мусорный бак и с раздраженным видом зашагал вперед, останавливаясь перед сыном.

После этого он нетерпеливо достал телефон, слегка потрянул им и произнес:

— Отсканируй код для оплаты. У меня на этом Вичате всего шесть тысяч юаней, так что проживешь эти четыре года поэкономнее. Мне еще Сяобао кормить нужно, лишних денег нет.

— Тц!

Шэнь Цзянань холодно усмехнулся, но спорить не стал. Он послушно достал телефон, ловко открыл QR-код для получения перевода, а когда собеседник завершил платеж на шесть тысяч, тут же перешел к торгам:

— Переведи еще, иначе я отправлюсь к тебе на работу и всем расскажу о твоих подвигах.

Шэнь Цунвэнь внезапно замер, а затем рявкнул:

— Какого черта ты несешь?!

Увидев его звериный оскал, Шэнь Цзянань ни капли не испугался и с бесстрастным лицом повторил:

— Я говорю: переведи еще, иначе я пойду на твою работу и всем расскажу, как ты бросил собственного ребенка.

— Да ты в уме ли?!

Шэнь Цунвэнь свирепо вытаращил глаза и уже занес руку для удара, но Шэнь Цзянань сделал пару шагов вперед и задрал голову, глядя на его занесенную ладонь.

— Бей! Здесь повсюду камеры, попробуй ударь? Клянусь, я даже не стану защищаться.

— Ах ты!

Шэнь Цунвэнь резко взмахнул рукой, но в конце концов так и не осмелился опустить ладонь. Тяжело дыша, он смертельным взглядом уставился на этого непутевого сына, в то время как в его глазах пылал неукротимый гнев.

— Ладно! Я дам тебе денег, но с этого момента постарайся мне больше на глаза не попадаться, иначе я переломаю тебе собачьи ноги!

— Идёт!

Подросток кивнул. Раз деньги у него в кармане, остальное его не волновало. Увидев, что тот согласился, мужчина больше не стал тратить слов и торопливо перевел деньги по коду, боясь, что если замешкается хоть на секунду, эта бесстыдная маленькая дрянь снова потребует денег.

Шэнь Цзянань нажал кнопку принятия перевода и изогнул брови в улыбке:

— Благодарю, господин Шэнь!

Тут же звякнув телефоном в руке, он подхватил чемодан и зашагал вперед, не оборачиваясь. Но он никак не ожидал, что какой-то внедорожник внезапно потеряет управление, на бешеной скорости вылетит с середины дороги на обочину и со всего маху собьет прошедшего всего пару шагов Шэнь Цзянаня. Юноша отлетел назад и тяжело рухнул прямо на злорадно ухмылявшегося Шэнь Цунвэня.

Перед тем как испустить дух, Шэнь Цзянань почувствовал, как восемь лет накопившейся в сердце горечи в одно мгновение растворились наполовину. Глядя на людей, в панике бросившихся к ним, он чуть заметно улыбнулся, а затем медленно закрыл глаза.

Лето 1975 года. Палящее солнце слепило так, что невозможно было раскрыть глаза. Полевые межи от жары стали раскаленными и хрупкими, покрывшись густой сетью узких трещин. Стоило неосторожно ступить на такую — и кусок почвы тут же осыпался бы под ногой.

Учетчик Чжао Хунцзюнь прохаживался туда-сюда между грядками, внимательно следя за тем, как отряд мужчин, женщин, стариков и детей справляется с работой, и время от времени поглядывал на все еще лежащего и находящегося без сознания под деревом хурмы паренька, бормоча себе под нос что-то неразборчивое.

— Вот напасть, всего год как приехал, а чуть поработает — и сразу в обморок падает?!

— М-м-м...

Парень легко застонал и медленно приоткрыл глаза. В голове мгновенно пронеслись бесчисленные незнакомые картины. Он не удержался, постучал себя по голове, а затем запрокинул взгляд на раскидистое дерево над макушкой, на мгновение погрузившись в оцепенение.

Пару часов назад они с этим бессовестным папашей погибли под колесами внедорожника у входа в университет. Кто бы мог подумать, что стоило ему открыть глаза, как он окажется в эту эпоху дефицита всего и вся.

И самое главное — он угодил в мрачную производственную новеллу о тех временах под названием Жизнь с огоньком в семидесятые: я и белоснежная героиня, где стал второстепенным, никому не нужным персонажем на побегушках, из тех, кто не доживает и до трех глав.

Сюжет к этому моменту дошел до того, что второстепенный персонаж отбыл в обморок от теплового удара и не приходил в себя до самого свистка об окончании работы. Учетчику нужно было срочно возвращаться, поэтому он велел второстепенному мужчине из книги по имени Гу Юй взвалить парня на спину и отнести в жилье.

Это дало прекрасную возможность тому самому черносердечному главному герою Чжао Цзяньго. Поскольку горе-подросток ничего тяжелее ложки в руках не держал, зато отличался острым языком и терпеть не мог оставаться в убытке, он успел переругаться почти со всеми обитателями пункта молодежи.

В конце концов тамошним образованным юношам и девушкам этот тип смертельно надоел, и они отправились жаловаться начальнику бригады Чжао Цзяньчэну. Тот тоже считал его никчемной пустышкой и сослал жить к Гу Юю в соломенную хижину на полпути к горе.

Поэтому, если бы они возвращались назад, им непременно пришлось бы идти по узкой и крутой горной тропе. Чжао Цзяньго прекрасно это знал, а потому заранее затаился в кустах у горной дорожки и, улучив момент, когда никто не смотрит, толкнул обоих с обрыва.

Шэнь Цзянань, носящий то же имя, что и второстепенный персонаж, рухнул прямо на груды камней у подножия горы, и острый камень пронзил ему горло насквозь — смерть наступила мгновенно. Что же касается Гу Юя, то он отделался лишь переломом правой ноги благодаря тому, что палач смягчил его падение.

Когда Гу Юй, преодолевая боль, позвал на помощь и привел людей, Чжао Цзяньго выскочил из засады и с пеной у рта принялся доказывать, будто видел собственными глазами, как Гу Юй убил Шэнь Цзянаня, а ногу сломал специально — чтобы отвести от себя подозрения общественности и уйти от ответственности.

Вообще-то, по здравому размышлению, в такую убогую ложь не поверил бы никто, у кого есть хоть капля мозгов. Но беда была в том, что происхождение Гу Юя привлекало к себе слишком много внимания.

Из-за определенных обстоятельств его семья не могла ни оправдаться, ни защитить себя — их заклеили трижды плохими элементами. В конце концов, избежать расправы удалось лишь тетушке, вышедшей замуж за высокопоставленного чиновника, да дяде, уехавшему далеко за границу, а всех остальных сослали в самые разные уголки страны.

По этой причине Гу Юй стал главным объектом «заботы» бригады, и жители коммуны «Хунци» шарахались от него как от ядовитой змеи, питая к нему отвращение.

Вдобавок к этому Гу Юй открыто презирал Шэнь Цзяняня и в будничные дни то и дело корчил ему страшные морды на глазах у всех. На этом фоне Чжао Цзяньго, будучи сыном парторга бригады, слыл умным, прилежным парнем с кристально чистой репутацией — разумеется, люди охотнее верили ему.

В итоге из-за «доброго поступка» Гу Юю не только пришили убийство, но и упрятали за решетку. Первоначально его вообще собирались приговорить к расстрелу, и лишь позже невеста кто донес до тетушки о случившемся.

Тогда она задействовала всевозможные связи, чтобы спасти племянника от смерти. Тем не менее полного наказания ему избежать не удалось, и его приговорили к семи годам тюрьмы. Что же касается его девушки — той самой лживой чистюли из образованной молодежи, — она не только отказалась верить его словам, но и послушно заплыла в сети Чжао Цзяньго.

Самое нелепое было в том, что эта женщина клялась в вечной любви к Гу Юю и обещала дожидаться его из заключения, чтобы пожениться. Однако не прошло и месяца с момента вынесения приговора, как она с радостью бросилась в объятия Чжао Цзяньго. И ладно бы изменила — можно было бы притаяться и тихо жить дальше, в конце концов, вокруг не дураки сидят.

Но нет, эта особа вела себя донельзя вызывающе — точно павлин после удачного спаривания, она горделиво разгуливала повсюду, словно пытаясь выжечь клеймо Чжао Цзяньго — мой мужчина на собственном лбу.

При этом она заявляла, что любит открыто и честно, а рассталась с Гу Юем вовсе не из-за его тюремного срока, а потому что постепенно прозрела и разглядела его истинное лицо. Дескать, вся его прежняя безупречность была лишь напускной личиной, а на деле Гу Юй — замкнутый, мрачный убийца.

То ли дело Чжао Цзяньго: честный, целеустремленный, добрый — только такой мужчина достоин всей ее любви до конца дней.

Шэнь Цзянянь потерял дар речи. Мысленно он подумал, что это вовсе не мрачная новелла о былых временах, а форменная книга для слабоумных с затуманенными мозгами. А этот Чжао Цзяньго вместе с героиней Цзян Хунмэй — настоящая парочка протухших безумцев.

Но больше всего поражал автор: додуматься до такого сюжета мог лишь человек с хроническим тромбозом головного мозга. Ради того, чтобы свести главных героев, она не только растоптала самые здравые понятия о морали у второстепенного мужского персонажа, но еще и убила пустой статист — просто верх безумия.

Самое паршивое заключалось в том, что он сам угодил в тело этого мелкого персонажа. Как Шэнь Цзянань мог с этим смириться? Сжигаемый гневом и ненавистью, он мысленно прошелся по всей родословной автора раз восемнадцать, после чего постепенно остыл и начал обдумывать план мести Чжао Цзяньго.

В этот момент до него донесся быстрый топот ног, приближающийся издалека. Взгляд юноши неуловимо изменился, на лице застыло виноватое выражение, и он, дрожа, оперся руками о землю, с трудом приподнявшись вполоборота. Побледнев красивым лицом, он посмотрел на подошедшего ближе учетчика и произнес тонким, тихим голоском:

— Учетчик, спасибо, что позаботился обо мне! Мне, мне уже намного лучше, я сейчас же иду работать!

Говоря это, он под изумленный взгляд мужчины с трудом поднялся на ноги и, покачиваясь, побрел в сторону поля. На то, как его ноги путались друг за другом, Чжао Хунцзюнь смотрел с хмурым видом, не удержавшись от вопроса:

— Знающий молодежь Шэнь, ты вообще сможешь? Если совсем не вмоготу, отдохни еще немного.

— Н-нет, не нужно!

Шэнь Цзянань махнул рукой и твердым шагом направился к своему наделу, подхватил брошенную в углу мотыгу и принялся рыхлить землю.

Глядя, как парень без сил орудует мотыгой, готовый в любую минуту испустить дух, Чжао Хунцзюнь невольно проникся жалостью, хотя тот все равно двигался лучше, чем обычно.

Этот парнишка ничего тяжелее ложки не держал, привык жить в изобилии благодаря родителям, которые постоянно переводили ему деньги и присылали продовольственные талоны, так что в еде он нужды не знал, а к работе относился спустя рукава.

К тому же он никак не мог сойтись с остальными приезжими и местными крестьянами, то и дело затевая споры по пустякам. Но сейчас этот человек вдруг решил взяться за работу по собственной воле — неужто после обморока в его голове что-то щелкнуло?

Чжао Хунцзюнь мысленно хмыкнул: как бы там ни было, если парень готов трудиться, это уже хорошо. Он скривил губы в улыбке, заложил руки за спину и с легким сердцем направился в

другой конец поля, больше не обращая внимания на тщедушного Шэнь Цзянаня.

Тот же, заметив, что учетчик ушел, тайком с облегчением выдохнул. Подросток сжал зубы и яростно принялся за работу, но как только усталость заставила его пожелать минутного отдыха, раздался свисток об окончании смены. Обрадованный Шэнь Цзянань выпрямился, опершись на мотыгу, и тыльной стороной ладони вытер пот со лба.

Тут он увидел, как обреченный второй мужской персонаж Гу Юй и белоснежная героиня, закинув на плечи мотыги, идут следом друг за другом. Вспомнив сюжет книги, Шэнь Цзянань расплылся в улыбке и быстро засеменял навстречу.

— Брат Гу!

Гу Юй о чем-то размышлял, как вдруг услышал знакомый голос. Жилка на его лбу нервно задергалась, и он уже собирался обойти назойливого парня, как тот вихрем подлетел к нему, задрав невероятно смазливое лицо и сияя улыбкой.

— Брат Гу, давай вернемся вместе?

— Но ведь Гу Юю еще нужно помочь молодежному пункту починить крышу! Иди домой сам!

Уголки губ Гу Юя дернулись, и он уже хотел отказаться, как услышал презрительное фырканье стоявшего перед ним юноши. Тот с кривой усмешкой скосил глаза на шедшую сзади Цзян Хунмэй:

— С какой стати? Разве это дом брата Гу? У вас в пункте мало парней, что ли? Никто починить не может?

Разве вы не знаете, как занят брат Гу? Если он пойдет чинить вам крышу, кто станет выполнять работу в коровнике? Если он не успеет доделать дела, заработает выговор и сокращение трудодней, ты и те парни пойдете за него отдуваться?

Шэнь Цзянань без умолку трещал своим языком, доводя Цзян Хунмэй до исступления. Грудь девушки вздымалась от тяжелого дыхания, точно кузнечные мехи:

— Шэнь Цзянань, как ты смеешь искажать мои слова?! Я же помогаю Гу Юю, у него особая ситуация, он должен вносить больший вклад, неужели ты не понимаешь?

От ее слов лицо Гу Юя мгновенно переменялось, и он невольно зажмурился. Он никак не мог взять в толк, какая муха его укусила и почему он вообще полюбил такую дуру, хотя порой ему безумно хотелось придушить эту идиотку.

Но стоило ему подумать об этом, как в сердце помимо воли наплывала волна нежности, напоминая о ее прекрасных чертах, — и тогда он снова терял способность отказывать ей или делать хоть что-то, что могло бы ее задеть. По правде говоря, он страшно от этого устал.

К счастью, позже в деревню сослали этого маленького воробья по имени Шэнь Цзянань, который по воле судьбы оказался его сожителем, и это позволило ему пожить спокойно хотя бы несколько дней.

Правда, досадно было то, что, хотя ребенок выглядел донельзя милым, самого Гу Юя он почему-то ужасно раздражал — до скрежета в зубах, так что временами тот терял контроль над собой и срывался накричать на него.

Но всякий раз, стоило ему увидеть обиженное лицо парня, как Гу Юя начинала грызть острая вина. Он и сам не понимал, что с ним творится: ему так хотелось относиться к этому пареньку хорошо, но в следующий же миг он снова терял над собой контроль.

— Тьфу! Красиво говоришь! На самом деле хочешь найти дурака для бесплатной работы, а себя преподносишь в таком благородном свете — бесстыдница!

Шэнь Цзянань презрительно фыркнул:

— К тому же, раз ты и впрямь желаешь брату Гу добра, нечего вечно заставлять его горбатиться на вас.

Подросток прищурился, слегка подался вперед и понизил голос:

— И еще: если я хоть раз услышу, что ты при посторонних снова заикнешься про особое положение брата Гу, я пойду и донесу на тебя, что ты заставляешь других выполнять за тебя всю работу и стремишься к капиталистическому образу жизни.

— Ты!

На глазах Цзян Хунмэй навернулись слезы. Она сделала шаг вперед, встала рядом и дернула Гу Юя за рукав, обиженно всхлипнув:

— Гу Юй, скажи же хоть слово! Ты ведь знаешь, я не это имела в виду, я просто хочу, чтобы ты наладил отношения со всеми, и тогда в будущем...

— Спасибо за заботу, но в этом нет необходимости!

Отгнав мысли, Гу Юй бросил на нее бесстрастный взгляд, а затем кивнул на сиявшего от гордости Шэнь Цзянаня:

— Пошли.

— Угу!

Ямочки на щеках юноши углубились, он взвалил на плечо мотыгу и зашагал рядом с ним, оставив Цзян Хунмэй в полном одиночестве растерянно хлопать глазами. В конце концов подруга сжалась над ней, подошла и дернула за рукав, возвращая к действительности.

— Хунмэй, а Гу Юй и впрямь мелочный человек.

Знающая молодежь Лу Сяюэ посмотрела на удаляющиеся фигуры и пренебрежительно бросила:

— Пусть раньше у его семьи и были хорошие условия, но сейчас-то от них что осталось? Чего нос задирать? Лучше бы сошлась с Чжао Цзяньго, раз он по тебе сохнет.

— Глупости не говори!

Щеки Цзян Хунмэй порозовели, и она с кокетливым укором глянула на подругу:

— Мы с Цзяньго — единомышленники, близкие друзья, а Гу Юй и я...

Она опустила взгляд, а в ее голосе послышались липкие нотки:

— Мои мама и папа сказали, что как только мы достигнем подходящего возраста, сыграем свадьбу, понимаешь?

— Ну да!

Лу Сяюэ отделалась дежурной фразой и умолкла, мысленно закатывая глаза. Эту отговорку она слышала уже раз восемьсот, но это ничуть не мешало Цзян Хунмэй крутить хвостом перед Чжао Цзяньго. Сам же Гу Юй временами казался равнодушным к ней, а временами выказывал к ее персоне глубокое отвращение.

К тому же из слов самой Цзян Хунмэй и Лу Сяюэ, и остальные обитатели молодежного пункта прекрасно знали, что семья Гу никогда официально не признавала ее отношений с Гу Юем, отделиваясь фразами о том, что всё зависит от судьбы. Тем не менее Цзян Хунмэй и ее родные упорно верили, будто семья Гу уже приняла ее в невестки.

Окинув девушку взглядом и опустив глаза, чтобы скрыть сложное выражение лица, Лу Сяюэ произнесла:

— Пошли! Раз Гу Юй не хочет помогать, сами управимся.

— Но... я все же хочу, чтобы он наладил отношения со всеми.

Цзян Хунмэй обиженно принялась теревить пальцы. Видя ее привычную кислую минную, Лу Сяюэ почувствовала легкое раздражение и закатила глаза:

— Тогда иди и уговаривай его сама!

Бросив это, она взвалила на плечо мотыгу и с раздражением зашагала прочь. Цзян Хунмэй остолбенела, а затем обиженно крикнула в спину подруге:

— Сяюэ, как ты можешь?!

Кто же знал, что в ответ на упреки Лу Сяюэ не только не обернется, но и прибавит шагу, будто за ней гнались собаки.

Цзян Хунмэй охватила ярость и тревога: что сегодня вообще происходит?! Все вокруг ополчились против нее, никто не желает прислушиваться к ее советам, точно сами на себя не похожи.

<http://bllate.org/book/22418/2353669>